

**К ВОПРОСУ О КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЕВРЕЙСКИХ ДИАСПОР
ТЮМЕНИ И ТОБОЛЬСКА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

О. Н. Науменко, Е. А. Науменко

**ON RELIGIOUS TOLERANCE IN THE HISTORY AND NATIONAL PSYCHOLOGY
OF THE JEWISH DIASPORA IN TYUMEN AND TOBOLSK IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

O. N. Naumenko, E. A. Naumenko

Предмет исследования – конфессиональная толерантность, сложившаяся на территории юга современной Тюменской области в XIX – начале XX вв. по отношению к иудейскому населению региона. Цель статьи – на основе теории модернизации рассмотреть причины, виды и проявления конфессиональной толерантности представителей власти и общества в условиях сохранявшихся элементов антисемитизма. В статье показано, что истоки толерантности лежат в особенностях национального, экономического и духовного развития региона. Там сформировалась веротерпимость различной степени и направленности: от фактического признания равенства иудеев до значительного снижения уровня антисемитизма. В центре внимания авторов стоит вопрос о влиянии указанных факторов на ослабление религиозной и традиционной культуры иудеев. Результатом исследования, изложенного в статье, является обоснование связи между толерантностью и ослаблением национальной культуры евреев. В еврейских диаспорах, с одной стороны, в условиях частично сохранявшегося антисемитизма наблюдался вынужденный переход в православие; а с другой стороны – беспрепятственные контакты с православными на бытовом и личностном уровне влекли многочисленные смешанные браки, что разрушало традиционную культуру евреев. Авторы делают вывод о базовом влиянии традиций толерантности, сложившихся в XIX – начале XX в., на формирование межнационального мира в регионе в последующие периоды.

The research focuses on confessional tolerance, established on the territory of modern South of the Tyumen region in the XIX – early XX centuries in relation to the Jewish population of the region. The aim of the paper is to examine, basing on modernization theory, the causes, types and manifestations of the religious tolerance of the authorities and society in conditions of continuing elements of anti-Semitism. The paper shows that the origins of tolerance lie in the peculiarities of national, economic and spiritual development of the region that formed the toleration of various degrees: from de facto recognition of the equality of the Jews to a significant reduction in the level of anti-Semitism. The authors focus on the question about the impact of these factors on the weakening of religious and traditional culture of the Jews. The result of the research described in the paper is the rationale for the connection between tolerance and weakening of the national culture of the Jews. In the Jewish Diaspora, on the one hand, continuing anti-Semitism was partially observed, which forced conversion to Orthodoxy; and on the other hand unimpeded contacts with the Orthodox at the household and individual level attracted numerous mixed marriages, which destroyed the traditional culture of the Jews. The authors conclude that the tradition of tolerance that developed in the 19th – early 20th centuries had basic influence on the formation of inter-ethnic peace in the region in subsequent periods.

Ключевые слова: евреи, иудаизм, толерантность, антисемитизм, Тюмень, Тобольск.

Keywords: Jews, Judaism, tolerance, anti-Semitism, Tyumen, Tobolsk.

Одной из задач репрессивной системы Российского государства было решение «еврейского вопроса», который заключался в создании для иудеев законодательных, политических, административных и иных ограничений; немаловажным фактором было формирование в обществе соответствующего образа еврея. Между тем, в отдельные исторические периоды государство вынуждено было ослаблять антисемитскую политику по причине значительной роли евреев в хозяйственной жизни страны. Эта тенденция впервые начала проявляться в Средневековой Италии еще в XVI в., что в рамках эпохи Возрождения привело к появлению непродолжительного «золотого века» иудеев и сопровождалось не только объективными судебными приговорами в отношении евреев, если таковые возникали, но даже введением охраны еврейских кварталов [22, с. 3].

В этот период возникла особая форма религиозной толерантности, пока не затрагивающая вопросы уважения нехристианских культур, но утверждающая веротерпимость как одну из экономических и полити-

ческих основ государства. Предполагалось, что толерантность должна проявляться в системе послаблений и льгот, предоставляемых отдельным группам населения, оказавшегося за пределами католического общества, но при условии, что они несут «благотворную роль» и не представляют угрозы для христианства [23, с. 29]. Эту идею обсуждали философы и в последующие века: Джон Локк в «Письме о веротерпимости» (1689 г.), а также Иммануил Кант, Вильгельм фон Гумбольдт, Бенжамен Констан, Джон Стюарт Милль и др.

В России впервые эта форма толерантности была провозглашена в 1773 г. Екатериной II в «Указе о веротерпимости», что коренным образом изменило положение иноверческих общин [4, с. 21]. Положение иудеев все же продолжало зависеть от степени антисемитских взглядов императоров и их чиновников, однако один из сибирских регионов – юг современной Тюменской области – не вписывался в общегосударственную тенденцию. Конфессиональная толерантность в виде узаконенной Екатериной II веротерпимо-

сти там рано приобрела современные черты и уже на рубеже XIX – XX вв. основной частью местного населения понималась как признание равенства всех религий и необходимости их уважения. В качестве ответной реакции складывалась толерантность иудеев к православному и мусульманскому населению региона. Это явление не было абсолютным, но в целом соответствовало уже сложившимся традициям мирного сосуществования христиан с мусульманами.

Исторически Тюмень и Тобольск, будучи «воротами в Сибирь», принимали масштабные потоки переселенцев практически со всей европейской части России, которые по большей части оседали здесь же, формируя среду, толерантную к различным культурам [12, с. 189]. Кроме того, в течение столетий на территории юга Тюменской области были основаны сотни татарских и смешанных русско-татарских поселений, некоторые из которых насчитывали сотни лет своей истории (например, селу Чикча более 500 лет, селу Ембаево, где проживают представители 21 национальности, более 400 лет). Жизнь в них проходила в соответствии с «народным исламом», который основывался на началах веротерпимости по отношению ко всем народам и конфессиям, что подтверждается масштабными и многолетними исследованиями сектора этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета [20 – 21]. Взаимодействие мусульман с православными в рамках смешанных деревень проведено Т. Г. Бакиевой, которая на основе архивных материалов утверждает, что конфликты в деревнях проявлялись на бытовой, но отнюдь не на конфессиональной почве [2, с. 142]. Более того, в случае судебных споров (например, о земельных участках) представители местной власти не позволяли дискриминацию мусульман, таким образом компенсируя сложное в конфессиональном отношении российское законодательство и обеспечивая себе поддержку и уважение со стороны многочисленных мусульманских общин.

Если антисемитизм в Западной Европе и Европейской части России отражался даже в иконописных сюжетах (изображение иудеев в аду, на Страшном Суде и пр.) [19, с. 162], то для Тобольска и Тюмени это явление не было характерно, несмотря на широкое распространение иконописи за счет открытия при Тобольской Духовной семинарии иконописного класса. В частности, богатейшая коллекция русских православных икон конца XIX – начала XX вв., хранящаяся в фондах Музея археологии и этнографии Тюменского государственного университета, а также сохранившиеся иконы местных церквей не содержат ни одного подобного сюжета.

В эту культурную среду попадали иудеи, находя там убежище от антисемитизма других регионов России и Сибири, по сравнению с которыми фактическое (не юридическое!) положение иудеев в Тюменском регионе воспринималось как свобода и реализация долгожданного «еврейского счастья». В этих условиях происходила весьма значительная социальная и психологическая трансформация переселенцев, затрагивающая глубинные образования их этнической и конфессиональной идентичности в национальной психологии. Взаимопроникновение культур было вы-

нужденным, оно обуславливалось административными, правовыми, национальными и бытовыми особенностями региона и формировало некий «усредненный» тип еврейского своеобразия. Религиозная психология иудейских объединений и отдельных граждан гармонизировалась и приобретала своеобразные черты регионального социокультурного пространства Тюменского региона. Данный феномен, отражающийся в конфессиональной толерантности, подтверждается исторической памятью, сохранившейся в культуре еврейских общин Тюмени и Тобольска, и зафиксированный в исследованиях [1; 3; 5] и ряде источников.

Первые примеры веротерпимости местной власти по отношению к евреям относятся к началу XIX в. В частности, в 1820 г. Александр I издал указ, запрещавший евреям принимать в услужение или на работу лиц христианского вероисповедания под угрозой за нарушение «сего запрещения подвергаться взысканию по суду» [6, л. 2]. При ознакомлении с указом выяснилось, что, например, в Тобольске он распространялся только на одного человека – Менделя Цванга, который занимался портным ремеслом и нанимал помощников из христиан. Мендель просил губернатора «не отбирать их», и власти пошли навстречу [6, л. 5], что было прямым нарушением императорского указа и могло повлечь наказание губернатора.

Примеры относительно лояльного и объективного отношения к евреям наблюдались в последующие периоды, о чем свидетельствуют полицейские и судебные дела. В качестве сравнения отметим, что в Западной Европе в Европейской части России многочисленными и регулярными были сфабрикованные судебные процессы по обвинению иудеев в ритуальных убийствах христианских детей [13, с. 183], и именно это чаще всего становилось поводом для еврейских погромов. В Тюмени и Тобольске таких обвинений и процессов не было никогда, а сохранившиеся архивные документы отражают принцип конфессионального равенства при расследовании уголовных и политических дел.

В частности, в середине XIX в. на уровне государственной власти началась борьба с мнимыми еврейскими революционными организациями. Одно из дел было начато в 1864 г., когда в Тобольскую жандармерию поступил донос от еврея Менделя Турина о том, что «между живущими в г. Тобольске евреями основалось под руководством политического преступника Евсея Борондовича, отставного солдата Ария Туника и с дозволения еврейского старосты Давыда Водовозова три общества, без надлежащего дозволения и утверждения правительства» [7, л. 10]. Во время внезапного и одновременного обыска на квартирах подозреваемых и в молитвенном доме жандармы обнаружили книги на еврейском языке, в частности, для записи пожертвований и обучения. К чести местной полиции, представленный донос в скором времени сочли ложным: «Все высказанные в доносе Турина обстоятельства выказывают только его недоброжелательность к остальному еврейскому обществу и желание набросить противоправительственную тень...» [7, л. 10].

В 1879 г. началось расследование нового дела [8, л. 10]. Согласно слухам, ходившим среди обывателей

Тобольска, местные евреи собирали деньги для помощи сосланным в Сибирь государственным преступникам. Следствие показало, что начиная с 1861 г. они действительно организовано собирали пожертвования для иерусалимских бедных евреев. С этой целью на каждом еврейском доме были прикреплены специальные жестяные кружки, которые разрешалось открывать три раза в год. Заключение следствия гласило: «Пожертвования не имеют никакого политического характера, а есть не более, как милостыня почитающих священные книги на Святой земле...» [8, л. 10].

В 1882 г. началось очередное следствие. Тобольский губернатор писал исправнику, что по сведениям МВД в России существует тайное еврейское общество, в которое вступили все еврей-капиталисты, отчислив крупные денежные взносы. Евреи имеют в своих домах кружки для сбора пожертвований в пользу всемирного еврейского кагала, для поддержания революционной партии [8, л. 10]. Результаты расследования были объективными: в Тобольске ни одного члена этого общества не оказалось.

Наиболее показательным примером межконфессионального взаимодействия и толерантности является история строительства Тюменской синагоги. В 1911 г. был торжественно заложен ее фундамент, и на этом мероприятии «было много публики разных вероисповеданий», которые поздравляли евреев; в этот день было собрано 1200 рублей пожертвований на строительство синагоги [15]. В 1912 г. синагога была готова. На ее торжественное открытие «пришло много русских, в числе их – представители города и приглашенные лица». Евреи просили православного купца Андрея Ивановича Текутьева «...как бывшего городского голову, оказавшего много услуг при постройке Синагоги, сделать честь еврейскому обществу – разрезать ленту у входной двери» [16], – этот факт свидетельствует не просто о веротерпимости представителя власти (пусть и бывшего), а о более высоком уровне толерантности – признании равенства иудаизма и уважении его представителей.

Исходя из изложенного, регион не случайно принимал все новые и новые волны иудеев из Западных районов России. Численность евреев, проживавших в Тюмени и Тобольске в конце XIX – XX вв., точно неизвестна, т. к. значительная (скорее всего, основная) их часть там находилась без разрешения и официально нигде не значилась. Между тем, предположение, что число евреев в разы превышало официальную статистику, не подлежит сомнению. На настоящий момент появились данные, что только в Тобольске действовало три синагоги, а на Тюменском еврейском кладбище, основанном в начале 1890-х гг., к 1912 г. было похоронено уже около тысячи евреев [10, с. 151]. Общая численность еврейского населения в городах доходила до 10 – 12 % [18, с. 73]. Наиболее активно массовое переселение в Сибирь началось со строительством Транссибирской железной дороги. Известен факт, что сразу после ее открытия в Западной Сибири за счет переселения евреев в течение года резко выросло число «маслоделательных заводов»: с 5 до 195 – почти в 40 раз, и масло начало экспортиро-

ваться, что говорило о резком развитии отрасли и начале конкурентности [14, с. 85].

Самовольное массовое переселение в Сибирь стало возможным в связи с несовершенством законодательной базы, с множеством противоречивых и запутанных нормативных актов об ограничении их прав. Губернская администрация, обремененная множеством других проблем, не имела ни времени, ни возможности, ни желания вникать в юридические тонкости вопроса, чтобы точно и своевременно выполнять законодательство по ограничению евреев в правах. Когда предпринимались попытки детально разобраться в нормативной базе, возникали коллизии: например, одни члены Правления считали, что запрет селиться в Сибири распространяется на всех, в т. ч. купцов первой гильдии, другие – что не распространяется на тех, кто живет в Сибири «долго», и т. д. [9, л. 41]. Поэтому практически на каждый запрос евреев о разрешении им постоянного проживания в регионе губернские власти обращались за разъяснениями в вышестоящие инстанции, вплоть до Сената, а ответ мог прийти через несколько лет, в течение которых евреев нельзя было выселить. Данную проблему в Тобольском губернском правлении отмечали как основную и успешно ее использовали, чтобы создать видимость борьбы с евреями и в то же время – освободить себя от лишних забот по их выселению.

Нужно понимать, что веротерпимость местной власти не могла быть абсолютной как в силу личностных качеств некоторых представителей власти, так в силу необходимости выполнять распоряжения «сверху», однако проявления антисемитизма наблюдались в Тюменском регионе значительно реже и мягче, чем в других частях России и Сибири. «Черные списки» на выселение евреев составлялись регулярно, но в отличие, например, от Томской губернии, не так активно применялись на практике (в частности, есть решения о высылке, но нет данных об их исполнении). В частности, в конце XIX в. был составлен график высылки: в 1899 г. из Тобольской губернии планировалось выдворить 246 чел. [9, л. 18], в 1901 г. – уже 460 [9, л. 5]. Однако местная власть не торопилась это делать под предлогом отсутствия средств в губернском бюджете, переполнения мест заключения, занятости иными проблемами и пр. В результате высылка все откладывалась, пока вопрос сам собой не «сошел на нет», и основная часть евреев осталась на своих местах. Перед центральной властью срыв программы Тобольский губернатор объяснил опять же запутанным законодательством и «человеческим фактором».

Составление «черных списков» и планы по массовой высылке евреев вызывали возмущение местных жителей других национальностей. Известны случаи, когда евреев под защиту брало татарское население. В частности, в 1896 г. земский заседатель пытался выселить из юрт Токузских Тобольской губернии семью Янкеля Пейселя, который, по его мнению, «являлся вредным для местного населения по своему мельничному занятию, отсыпая себе «лишние лопатки», т. е. брал с помольцев больше установленного». В юртах началось волнение, общество обратилось в губернское правление и объяснило, что требование выслать

Пейселя вызвано «корыстью заседателя», и власти разрешили дальнейшее проживание [9, л. 19].

В начале XX в. в Тобольское губернское правление в защиту евреев поступала «масса ходатайств со стороны христиан, которые в течение долгого времени вступали с евреями в правовые, имущественные и личные отношения». Эти волнения также не прошли бесследно: власти постановили отсрочить высылку на год, «пока отношения между евреями и христианами не будут упорядочены», а также не выселять одиноких евреев старше 70 лет, если местное христианское общество, городское или сельское, согласится принять их на попечение [9, л. 95].

Массовым явлением среди евреев стала передача паспортов родственникам и знакомым при полицейских проверках. Такой паспорт не содержал «особых примет» и фотографии; он выдавался на всю семью и включал лишь имена и возраст главы семьи, его жены и детей. В ожидании проверки евреи формировали «семью» под паспорт, а затем быстро передавали его в другой дом, причем при поддержке православных. Полицейский исправник видел, что паспорта повторяются, но формальных оснований для ареста не имел. Попытки уличить обманщиков не приводили к успеху: согласно информации Тобольского губернского правления, паспорта передавались «каким-то чудесным образом» [9, л. 273]. Тот факт, что данное явление было массовым, но ни одна «семья» не была уличена, представляется довольно странным и ставит вопрос о добросовестности исполнения своих обязанностей полицейскими исправниками. Причины таких «упущений» не ясны, но они могли исходить не только из непрофессионализма и коррумпированности служащих, а также из их представлений о веротерпимости.

В начале XX в. было замечено, что согласно официальным спискам, многие евреи имеют христианские имена или фамилии [9, л. 247], причем сочетание было необычным, например, «Рыбкин Моисей Иосифович» и т. п. При составлении списков незаконно проживающих евреев, не имея официальных документов, сознательно присваивали себе русские имена или изменяли фамилии в соответствии с русским переводом, надеясь таким образом в будущем избежать антисемитского преследования. Особенно массовым это явление стало с 1915 г., когда отменили черту оседлости, разрешили проживать в Сибири и начали выдавать паспорта. Имена, отчества и фамилии записывались со слов евреев, которые, «замаскировав» таким образом свое происхождение, продолжали жить традиционной культурой. Многие фамилии сибирских евреев в тот период имели уменьшительно-ласкательный суффикс: «Птичкины», «Рыбкины», «Воробейчиковы», «Карасиковы» и т. п. До 1915 г. присвоение русских имен и фамилий было уголовно-наказуемым деянием, за что, например, в 1911 г. в Томске было привлечено к ответственности 64 чел. [11, л. 32.], но ни одного подобного процесса по Тюменскому региону архивы не зафиксировали.

Несмотря на встречавшиеся факты антисемитизма, данная среда все же сформировала в еврейской культуре устойчивые представления о Тюмени и Тобольске как едином профессиональном культурном

пространстве, что особенно ярко проявлялось в ситуациях, когда помощь требовалась православному населению. В частности, в мае 1918 г. в Тобольском драмтеатре активисты решили поставить пьесу, порочащую Иисуса Христа, что вызвало возмущение всех религиозных общин города: «Сегодня издеваются над Христом, а завтра над Моисеем и Магометом». Через день в редакцию местной газеты от раввина О. Лейбовича поступило письмо: «Узнав от представителей Тобольского христианского общества... о готовящейся постановке на тобольской сцене пьесы «Распятый Христос» и ее кощунственном содержании, я считаю своей обязанностью уведомить евреев, что посещение такого зрелища, оскорбляющего чувства верующих, совершенно недопустимо» [17, с. 82]. Общими усилиями христиан, мусульман и иудеев пьеса была исключена из репертуара.

Мирное сосуществование иудеев в представителями иных конфессий вызывало тесные контакты между ними на бытовом и личностном уровнях и содействовала слиянию евреев с местным населением через многочисленные смешанные браки. Так как в условиях домашнего матриархата еврейское происхождение определяется по матери, которая является хранительницей традиций, то вхождение в семью женщины иной этноконфессиональной принадлежности вело не только к ослаблению, а иногда и к потере основных компонентов традиционной культуры.

Навязанный государством антисемитизм, подпиранный непримиримой позицией отдельных представителей местной власти и общества, общероссийская атмосфера неприятия еврейской идентичности не соответствовали представлениям большинства населения Тюмени и Тобольска о нормальных межконфессиональных отношениях, не могли в корне изменить основы религиозной толерантности Тюменского региона по отношению к иудеям, но в то время вынуждали их адаптироваться к общероссийской действительности. В условиях принудительной христианизации, принимая «ложное» крещение, значительная часть бывших иудеев региона оказалась вне религиозной культуры. Сформировался широкий пласт еврейского населения, отошедший от своих религиозных ориентиров, праздников, обычаев и верований, и, в то же время, не вошедший полностью в христианскую религиозную культуру, ее обрядность (например, Песах праздновать было уже нельзя, а про Пасху попросту забывали). На почве такого этнокультурного диссонанса значительная часть еврейского населения вынуждено оказалась в лоне атеизма самого различного толка, – полагаем, этот процесс коснулся и ряда революционных лидеров еврейского происхождения (В. И. Ленин и др.). Однако такая трансформация еврейской идентичности, в отличие от европейской, происходила в Западной Сибири в «мягкой» форме, без социальных эксцессов, потрясений и имела свою региональную специфику.

Выводы

На территории Тюменского региона XIX – начала XX вв. сформировались все виды религиозной толерантности по отношению к иудеям: от относительной

веротерпимости до фактического признания их конфессионального равенства.

Проявления толерантности наблюдались на всех социальных уровнях местного общества: от представителей губернской власти, входивших в элиту региона, до беднейшего крестьянства разных национальностей и конфессий.

Явления антисемитизма в Тюменском регионе проявлялись значительно слабее, чем толерантность,

что обеспечивало функционирование губернских центров как единого конфессионального пространства, в котором открытые межнациональные и религиозные конфликты представлялись невозможными; это подготовило почву для эффективного межнационального сотрудничества в советское время и в последующие периоды истории региона.

Литература

1. Антропова И. Е. Пожертвования евреев в Эрец-Исраэль в третьей четверти XIX в. Взгляд изнутри и отношение властей (на примере Тобольской губернии) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 42 – 55.
2. Бакиева Т. Г. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX вв. Новосибирск: Гео, 2011. 214 с.
3. Белов С. Л. Еврейское население Тобольской губернии в конце XIX в.: социально-демографический портрет // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1997. Тюмень: Тюмень, 1999. С. 38 – 61.
4. Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773 – 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 265 с.
5. Боярский Л. В. География «Еврейской Тюмени» конца XIX – начала XX вв. // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 104 – 113.
6. Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (БГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 1. Оп. 1. Д. 340.
7. БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 2. Д. 29.
8. БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 6. Д. 607.
9. БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 597.
10. Варкин И. Е. Исчезнувшая иудаика Тюмени // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 147 – 160.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 2570.
12. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его обитатели в XVII – XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. 567 с.
13. Клиер Д. Кровавый навет в русской православной традиции // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 181 – 206.
14. Науменко Е. Е. Управляемое развитие предприятия как фактор конкурентноспособности // Предпринимательство. 2008. № 5.
15. Сибирская торговая газета. 1911. 29 июня.
16. Сибирский листок. 1912. 2 сентября.
17. Солодова Т. И. Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013.
18. Солодова Т. И. Документальные свидетельства о жизни евреев в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. (по материалам БГУТО ГАТО в г. Тобольске) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 70 – 80.
19. Химка Д.-П. Образ евреев в украинской иконе XIV – XVIII вв. // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 161 – 181.
20. Ярков А. П., Гарифуллин И. Б., Файзрахманов Г. Л. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: коллективная монография. Тюмень: Колесо, 2007. 418 с.
21. Ярков А. П., Гарифуллин И. Б., Пачежерцев Н. И. Ислам на территории Тюменской области: коллективная монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. 132 с.
22. Dana E. Katz. The Jew in the Art of the Italian Renaissance. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press Philadelphia, 2008. 228 p.
23. The History of the Jews of Italy. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1946. 137 p.

Информация об авторах:

Науменко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Olga N. Naumenko – Doctor of History, Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Tyumen State University.

Науменко Евгений Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Evgeniy A. Naumenko – Doctor of Psychology, Professor at the Department of State and Municipal Administration, Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.